

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА БЫВШИХ ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ

Основные документальные источники о деятельности Ленинградского отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев находятся в настоящее время в трех комплексах, различных по составу и числу документов. Первым, наиболее значительным, является собственно фонд Ленинградского отделения Общества (ф. 506), хранящийся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Он насчитывает 1176 дел, в том числе 780 дел общего делопроизводства. Второй комплекс — личный фонд (ф. 507) председателя Ленинградского отделения Общества Давида Абрамовича Трилессера (1884—1934), находящийся в том же архиве. Фонд состоит из 117 дел, но непосредственно относящихся к Ленинградскому отделению Общества дел гораздо меньше. Третий комплекс — личные документы видных деятелей Общества М. В. Новорусского, А. П. Прибылевой-Корба, М. В. Фрленко и др. — находятся в документальном фонде (ф. 11) Музея политической истории России в Санкт-Петербурге.

Каждый комплекс складывался по-своему. Документы Ленинградского отделения Общества после ликвидации отделения осенью 1935 г. в том же году были переданы в госархив. Они поступили в том состоянии, в каком сложились в текущем делопроизводстве, т. е. в виде скрытой россыпи. Фонд дважды подвергался научно-технической обработке с проведением экспертизы, вследствие чего копиянные материалы и документы, не подлежащие, с точки зрения сотрудников архива, дальнейшему хранению, были списаны в макулатуру, а остальные сформированы в дела в соответствии с архивными правилами, не всегда отражающими реальное делопроизводство.

Личный фонд Д. А. Трилессера поступил в госархив через год после его смерти, в 1935 г., и был передан в виде настоящей полистной россыпи. Долгие годы документы фонда лежали необработанными. Лишь в 80-е годы они были упорядочены и теперь станут доступны исследователям.

Документы, находящиеся в музее, поступали туда от народовольцев, являвшихся не только активистами Общества, но и одними из

создателей Музея революции (первоначальное название Музея политической истории России). Материалы, имеющиеся в музее, в соответствии с музейными правилами не сформированы в дела, а хранятся индивидуально. Все они описаны и имеют инвентарные номера, что позволяет давать на них ссылки. Часть документов экспонировалась в 20—30-е годы, затем после консервации музея в 1935 г. перешла в документальный фонд. Количество учтенных документов музея, непосредственно относящихся к деятельности Ленинградского отделения Общества, невелико, не более 20, но это подлинные документы, и они должны быть приняты во внимание при изучении Общества.

Отсутствие серьезных исследований о деятельности столь своеобразного добровольного общества, каким являлось в 20—30-е годы Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссылопоселенцев, должно привлечь к нему и его Ленинградскому отделению особое внимание историков. Ясна необходимость изучения и анализа материалов, входящих в упомянутые архивные комплексы.

Прежде всего обратимся к фонду Ленинградского отделения — не только потому, что здесь сосредоточена основная масса документов, но ввиду того, что в течение десятилетий они фактически были исключены из научного оборота. Недоступными указанные документы были потому, что входили в состав фондов, образовавших странную промежуточную категорию архивных фондов. Они не являлись секретными, но вместе с тем и не были открытыми. Степень ограничения доступа к фондам или отдельным делам такого рода определялась администрацией и сотрудниками архива часто по формальным, поверхностным, субъективным соображениям.

Документы Ленинградского отделения Общества не выдавались исследователям под предлогом, что среди членов его было много жерров, меньшевиков, бундовцев и вообще сомнительных личностей. Обвинение, предъявленное представителям Общества во второй половине 30-х годов, продолжало бросать тень на старых революционеров и в 50—80-е годы. Отдельным исследователям в 50—60-е годы удавалось ознакомиться с частью дел. Выборочный просмотр листов использования архивных дел показывает, что дела выдавались 4—5 исследователям, просмотревшим около 40% дел. Одним из достоинств фонда является полнота сохранности комплекса документов, необычная для общественных организаций советского периода.

Поскольку ограниченный объем статьи не позволяет описать каждый документ или дело с документами в отдельности, мы прибегнем к систематизации дел по определенным признакам на группы и к характеристике каждой группы.

Список открывают распорядительные документы Центрального совета Общества (протоколы, стенографические отчеты пленумов, доклады, инструкции, информативные письма и др.)¹ и его комиссий (протоколы, решения, резолюции).² Они позволяют изучить регламентацию деятельности Общества вообще и изменения направления его работы. Нельзя не отметить, что описываемая распорядительная

¹ ЦГА С116, ф. 506, оп. 1, д. 3, 6, 60, 61, 102, 138, 139, 189, 191, 239, 300, 361, 439, 441, 550—554, 556.

² Там же, д. 4, 5, 62, 103, 140, 190, 240, 301, 362, 440, 555.

документация Центрального совета не является полной, как всегда бывает при рассылке материалов руководящих органов в подведомственную сеть. В упомянутой группе наряду с материалами, трафаретными по форме, имеются документы неординарные — в их числе отчет о составе Общества и работе комиссий Центрального совета за 1927 г.³ и материалы 4-го Всесоюзного съезда Общества (апрель 1931 г.), где представлены устав, доклады и резолюции.⁴ Ряд документов, подготовленных и утвержденных руководящими органами Общества, был опубликован в 1924—1931 гг. в журнале «Каторга и ссылка» (Положение о местном отделении, Устав Всесоюзного общества и др.).

Следующая группа — документы руководящих органов собственно Ленинградского отделения. Это прежде всего протоколы общих собраний отделения,⁵ президиумов совета и самого совета,⁶ отчеты отделения почти за весь период существования, т. е. с 1925 по 1934 г.⁷ Если протоколы передают динамику текущей работы, то отчеты содержат обобщающую информацию о деятельности отделения в целом за год. Поскольку первичные отчетные документы комиссий, промежуточные документы отсутствуют, то сводные отчеты отделения становятся едва ли не единственными источниками такого рода.

Документы руководящих органов отделения дополняются протоколами комиссий — организационной, хозяйственной,⁸ а также появившихся в последний период существования Ленинградского отделения секретариата и комиссии по пересмотру и распределению общественных нагрузок среди членов Общества.⁹ Содержание протоколов демонстрирует сочетание индивидуального и коллективного в работе органов Ленинградского отделения и ту доброжелательную атмосферу, в которой она протекала. Протоколы четко передают ход заседаний и содержание обсуждавшихся вопросов. Судя по всему, велись они достаточно квалифицированными людьми. Преобладающая часть протоколов отпечатана на машинке, что несколько сужает возможности палеографического исследования, но зато значительно облегчает прочтение. Как правило, подписаны они и председателем, и секретарем. Это свидетельство культуры письма составителей протоколов, а вместе с тем и важный для историков фактор, подтверждающий их подлинность.

Создание множества комиссий говорит не только о специализации работы членов Общества, но и об известной ее формализации. Ответственные нагрузки фиксировались не только в протоколах специальной комиссии, но и в карточках по учету общественной работы.¹⁰ Многообразие учетных документов деятельности членов Общества

³ Там же, д. 104.

⁴ Там же, д. 229.

⁵ Там же, д. 10, 33, 66, 67, 107, 144, 194, 243, 304, 367, 447.

⁶ Там же, д. 8, 30, 31, 64, 65, 105, 106, 142, 143, 192, 193, 241, 242, 302, 303, 363, 364, 442, 443, 557, 558.

⁷ Там же, д. 34, 145, 195, 244, 305, 368, 369, 567.

⁸ Там же, д. 11, 32, 293, 365, 446, 560.

⁹ Там же, д. 559, 561, 562.

¹⁰ Там же, д. 563.

может радовать историка, так как повторяемость известных сведений увеличивает уверенность в их достоверности.

Особую группу составляют документы, показывающие усиление политизации Общества, попыток поставить его в 30-е годы под партийный контроль. Об этом свидетельствуют сохранившиеся протоколы заседаний бюро фракции ВКП(б) за 1933—1934 гг.,¹¹ а также материалы по подготовке к XVII партийному съезду (справки, рапорты, обращения).¹²

Псковское, Рижское, Сибирское, Шлиссельбургское и Якутское землячества, в которые объединились члены Ленинградского отделения Общества по месту отбывания заключения, каторги и ссылки, представлены материалами за 1925—1933 гг. В основном это протоколы собраний, списки членов землячества, докладные записки, переписка о розыске архивных материалов, о приеме в члены землячества и о текущей работе.¹³ Следует отметить, что наряду с собственно документами землячества Ленинградского отделения встречаются вкрапления ряда документов Московского и Хабаровского отделений за 1925—1926 гг.,¹⁴ видимо, полученные в результате обмена информацией или присланные для сведения.

К материалам землячества, в частности к Рижскому землячеству, имеющему оттенок национального (о чем говорит его состав), тяготеют материалы секции по изучению революционного движения среди евреев. Создание такой секции, очевидно, было продиктовано стремлением изучить специфические условия распространения революционных идей в среде данного народа. Перечень документов указанной секции не отличается существенно от соответствующих документов других секций, разве что несколько особняком стоит рукопись О. Лидака «Как я стал социалистом».¹⁵ Значительный интерес могут вызвать доклады и рукописи о развитии анархизма и деятельности Бунда среди еврейских рабочих.¹⁶

В связи с постепенным сужением деятельности землячества в конце 20-х годов все большая часть документальных материалов стала откладываться в фондах секций. Секция по изучению политической каторги и политической ссылки содержит, помимо своих материалов,¹⁷ документы подсекций, часть из которых (Архангельская и Якутская) полностью соответствовала и по составу участников, и по направлению работы бывшим землячествам.¹⁸ Стенографические отчеты заседаний секций позволяют судить о тематике и содержании докладов, раскрывающих специфику положения политзаключенных в тюрьмах разного режима, находившихся в различных географических точках страны. Достаточно ознакомиться для этого с перечнем некоторых докладов: «О постройке Амурской железной дороги. Колесуха», «О московской центральной арсенальной каторжной

¹¹ Там же, д. 445, 571.

¹² Там же, д. 572.

¹³ Там же, д. 23—25, 47—49, 76, 77, 113—116, 148—151, 203, 212, 252, 253, 310—313, 375—377.

¹⁴ Там же, д. 43, 69.

¹⁵ Там же, д. 417.

¹⁶ Там же, д. 333, 413, 415, 521.

¹⁷ Там же, д. 323, 387, 469, 597.

¹⁸ Там же, д. 212, 324, 483.

тюрьме Бутырки», «Архангельский дисциплинарный флотский экипаж».¹⁹ Стенографические отчеты дают представление об интенсивности работы секций. Только в течение 1933 г. секция по изучению политической каторги и политической ссылки собиралась не менее 11 раз (в том числе трижды в марте и дважды в апреле и декабре).

Одной из наиболее ранних революционных организаций, участники которой дожили до момента создания Общества и вошли в него, являлась «Народная воля». Ее представители, а также лица, изучавшие указанную организацию, вошли в состав народолюбческого кружка, протоколы которого за 1927—1934 гг. сохранились хорошо.²⁰ Несомненно, внимание исследователя привлекут стенографический отчет заседания кружка от 1 марта 1928 г., заслушавшего доклад А. П. Брейтфуса «События 1 марта 1882 г.»,²¹ и сообщения А. В. Прибылева, подготовленные в 1934 г.: «О революционной деятельности Медведова-Фомина» и «Первые жертвы Исполнительного комитета».²²

Весьма своеобразны сведения, сосредоточенные в протоколах секции по изучению культурного влияния политической ссылки на Сибирь.²³ То же можно сказать и об отдельно сформированных делах с докладами²⁴ и об авторских рукописях.²⁵

С начала 30-х годов не без внешнего давления начинается смещение внимания Ленинградского отделения Общества с далекого революционного прошлого на более близкое время. Серьезное значение придается секции по изучению революции 1905 г., в связи с чем начинается усиленный сбор анкет активных ее участников, рукописей воспоминаний, рассмотрение их на заседаниях.²⁶ Еще большее внимание уделяется секции по изучению гражданской войны и Октябрьской революции. Об этом свидетельствует само оформление заседаний секции. Еще в 1931 г. заседания секции записывались в основном в протокольной форме,²⁷ затем в виде подробных стенографических отчетов. На секции заслушивались воспоминания участников революции и гражданской войны А. Дзениса, П. А. Терского, К. А. Юносова и др.²⁸ Активизацию указанной секции, выход ее на первый план не чем иным, кроме приспособления к задачам дня, объяснить нельзя. Ведь, в сущности, работа этой секции выходила за рамки основных направлений деятельности Общества. Как правило, тематика сообщений укладывалась в хронологические рамки профиля секции, но встречаются и исключения из правил. В этом отношении можно упомянуть воспоминания П. А. Терского о Февральской революции, рукопись Я. С. Панерникова «Революционная молодежь Советского Союза» и особенно доклад

¹⁹ Там же, д. 473, 477, 482.

²⁰ Там же, д. 119, 156, 208, 256, 321, 383, 457, 592.

²¹ Там же, д. 157.

²² Там же, д. 593, 594.

²³ Там же, д. 170, 211, 213.

²⁴ Там же, д. 171, 172.

²⁵ Там же, д. 214, 216, 217.

²⁶ Там же, д. 269, 270, 328, 490—496, 506—511, 605—608.

²⁷ Там же, д. 329.

²⁸ Там же, д. 403—408, 513—514, 518.

А. Н. Цехновицера «О международном положении и обороноспособности страны».²⁹ Если секция по изучению гражданской войны и Октябрьской революции была еще более или менее жизнеспособна, то этого нельзя сказать о секции по изучению истории революционного движения народов СССР — вся ее документация уложилась в два-три дела.³⁰

Особое своеобразие материалам всех перечисленных секций придает то, что они создавались в первую очередь непосредственными участниками событий. Это не только исследование, но и взгляд изнутри. Необходимо подчеркнуть, что подготовка ими материалов дала значительную гарантию достоверности, особенно в деталях. Дополнительная проверка шла в ходе обсуждения представленных материалов.

Члены Общества, поставив сначала перед собой довольно ограниченные задачи по фиксации прошедших событий, имен и судеб, постепенно осознали необходимость подкрепить личные впечатления свидетельствами различных документов, в том числе принадлежащих карательным органам царского режима. Первым шагом стало обращение к архивам, затем — активное участие представителей Общества в исторических исследованиях, а впоследствии — привлечение к своей работе профессиональных историков и литераторов. Новое качество работы было достигнуто созданием специальной структурной единицы — научно-исследовательской секции (НИИС). Подобные секции были организованы при Центральном совете Общества, при Московском и Ленинградском отделениях. В указанном структурном подразделении, помимо протоколов и отчета НИИС самого Ленинградского отделения,³¹ отложились протоколы НИИС Центрального совета и Московского отделения.³² Особенно примечательны стенографические отчеты заседаний НИИС Ленинградского отделения от 24 ноября 1932 г. и 19 ноября 1933 г., где заслушивался доклад Ю. Н. Тынянова об архиве Вильгельма Кюхельбекера.³³

В определенном смысле по роду деятельности к научно-исследовательской секции примыкает и литературная группа. Она, как и НИИС, занималась обработкой материалов воспоминаний членов Общества и подготовкой их публикации. Сохранились протоколы и стенографические отчеты литературной группы, где заслушивались доклады авторов, обсуждались уже изданные книги и велся обмен опытом подготовки рукописей к печати. О том, насколько различны были уровни литературного опыта, можно судить, сопоставив доклад политкаторжанина Бузанского «Как я писал свою книгу» (1933 г.) и Тынянова «Как писать историко-революционные мемуары» (1934 г.).³⁴ О практике работы литературной комиссии говорит ее переписка с редакцией журнала «Каторга и ссылка» об издании сборника и с архивами Москвы и Ленинграда о сборе материалов для

²⁹ Там же, д. 516, 519, 520.

³⁰ Там же, д. 331, 382, 458.

³¹ Там же, д. 379, 452, 580, 581.

³² Там же, д. 378, 451, 579.

³³ Там же, д. 380, 453.

³⁴ Там же, д. 462, 582.

новых публикаций.³⁵ Свообразным материалом являются рукописи стихов, повестей и рассказов из тюремной жизни, написанные И. Е. Евстигнеевым, Н. И. Федоровым и А. С. Симсоном,³⁶ сценария А. В. Ивановского и Д. А. Трилиссера неосуществленного историко-революционного фильма «Государева тюрьма», а также разработки С. П. Швецова проектов памятников революции.³⁷

Фонд Ленинградского отделения Общества располагает богатой коллекцией воспоминаний о режиме многих тюрем, каторжных заведений, мест ссылки и поселений по всей Российской империи от Архангельска до Севастополя, от Шлиссельбурга до Нерчинска.³⁸ Имеются воспоминания о революционных организациях различных направлений: об Исполнительном комитете «Народной воли», о кружке «чайковцев», о земледельческой организации в Петербурге, о бундовской ячейке в Кишиневе и др.³⁹ Отдельные авторы рассказывают о событиях, свидетелями которых они были: С. П. Швецов — «1 марта 1881 г. в г. Сургуте Тобольской губернии», Я. Б. Соломонов — «9 января и гапоновщина», Шаперин — «Октябрьская революция в Москве». ⁴⁰ Есть статьи и воспоминания, посвященные отдельным участникам революционного движения — П. Подбельскому, Л. Я. Штернбергу, Сабурову-Оболешеву, Сикорскому и др.⁴¹ Особо следует отметить сочинения, представляющие переплетение воспоминаний и размышлений о прошлом этих умудренных опытом людей, испытавших многие превратности судьбы. К этой категории относятся рукописи мемуаров С. П. Швецова «Хождение в народ», А. М. Редько «Мои воспоминания и впечатления, связанные с делом о Военной организации», Боровикова «Далекое прошлое». ⁴² Среди рукописных материалов можно встретить совершенно неожиданные, наличие которых в фонде трудно было бы предположить. Такова рукопись П. А. Терского «Саянская экспедиция к саянским бурятам в верховья реки Охи». ⁴³

Анализ содержания рукописей показывает, что записи воспоминаний, как правило, велись без дневниковой основы и даже без использования писем в качестве опорных точек повествования. При всем многообразии и пестроте воспоминания, имеющиеся в фонде, представляют главным образом малые формы типа этюдов или набросков. Им в значительной мере присуща фрагментарность. Они, конечно, не идут в сравнение с обстоятельными мемуарами П. А. Кропоткина, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер и др.

Особый круг источников в составе фонда Ленинградского отделения представляют материалы комиссий, отражающих просветительское направление в деятельности Общества. Это документы агитационно-пропагандистской комиссии, культурно-пропагандистского бюро, клубной, библиотечной и музейной секции. По форме

³⁵ Там же, л. 463, 584.

³⁶ Там же, л. 585—590.

³⁷ Там же, л. 154, 318, 319.

³⁸ Там же, л. 52, 261, 263, 265, 267, 268, 326, 327, 399—401, 466—468, 484—489.

³⁹ Там же, л. 161, 162, 335, 386.

⁴⁰ Там же, л. 167, 274, 410.

⁴¹ Там же, л. 83, 120, 160, 163.

⁴² Там же, л. 165, 168, 210, 260.

⁴³ Там же, л. 266.

эти документы ничем не отличаются от материалов уже упомянутых комиссий. В текстах документов содержатся сведения об организации музейных уголков, выставок, списки фотографий и вещей музейного характера, составивших в 1925 г. основу будущего музея Ленинградского отделения Общества.⁴⁴ Здесь же можно обнаружить данные о разного рода нереализованных проектах — об организации музея «Народная воля», передаче Ленинградскому отделению Общества храма «Спаса Воскресение на крови», сооружении памятника А. И. Желябову, создании историко-революционного театра и др.⁴⁵ Несколько особняком стоят документы шефской секции и секции МОИР. В составе последней определен интерес могут вызвать протокол комиссии по обмену революционным опытом с иностранными рабочими и именной список антифашистов, убитых, казненных и замученных в Германии.⁴⁶

Важный комплекс документов, освещающих хозяйственную деятельность Ленинградского отделения, представлен материалами финансовой, хозяйственной, ревизионной комиссий, а также бюро труда. Здесь имеются сведения о совхозе «Политкаторжанин», кооперативном хозяйстве «Вартемяки», производственном комбинате, артели «Рефлектор», техно-химической и других артелях.⁴⁷ Указанные материалы — свидетельства того, каким путем Общество старалось осуществить трудоустройство, взаимопомощь и материальную поддержку своих членов. Любопытны документы о заселении дома-коммуны политкаторжан, так хорошо знакомого всем ленинградцам.⁴⁸ Другое направление материальной помощи и оформления пенсионного обеспечения нашло свое отражение в протоколах и переписке ветеранской тройки за 1926—1933 гг.⁴⁹

В фонде Ленинградского отделения Общества дела по личному составу выделены в самостоятельную опись. Они неплохо сохранились и прекрасно дополняют материалы общего делопроизводства, но вместе с тем могут рассматриваться и в качестве самостоятельных источников. Автобиографии и широкое освещение анкетных данных позволяют использовать их как для группового портрета членов Общества, так и для социологического исследования. В опись по личному составу включены опросные листы, анкеты, списки членов Общества. Специально выделено дело с анкетами представителей Общества — участников Октябрьской революции. Нельзя не упомянуть о представляющих большую ценность персональных фотографий членов Общества, включенных в дело с биографическими сведениями о них.⁵⁰

В эту же опись вошли личные дела каждого из членов Общества. Здесь же есть дело с документами тех, кому было по разным мотивам отказано в приеме в Общество.⁵¹ Нельзя не отметить, что в состав

⁴⁴ Там же, д. 57, 88, 125.

⁴⁵ Там же, д. 196, 197, 246, 247, 315, 574.

⁴⁶ Там же, л. 342, 529.

⁴⁷ Там же, д. 184—185, 227, 228, 288, 291, 292, 356, 357, 433—435, 546—549.

⁴⁸ Там же, л. 309.

⁴⁹ Там же, д. 93, 95, 130, 131, 180—182, 230, 231, 282—284, 347, 349, 372, 428, 430, 431, 535, 537, 538.

⁵⁰ Там же, оп. 2, д. 551.

⁵¹ Там же, д. 557.

Общества были включены известные партийные и советские деятели (А. Е. Бадаев, В. А. Быстрицкий, А. Я. Кляев-Клявин и др.), которые не были политкаторжанами. Следующим после фонда Ленинградского отделения Общества по значимости содержащихся в нем источников является личный фонд Д. А. Трилиссера. Документы фонда отражают прежде всего его деятельность на посту председателя Ленинградского отделения, в их числе — постановление 4-го съезда Общества, отчет Ленинградского отделения за 1931/32 г., списки служащих Ленинградского отделения, протокол заседания парткома завода «Политкаторжанин» и ряд других.⁵² Имеются также материалы, присланные Д. А. Трилиссеру для сведения и работы как председателю. Они достаточно разнообразны: это воспоминания известных и неустановленных лиц об освобождении из Шлиссельбургской крепости, об условиях содержания в некоторых тюрьмах России и Харбина, карточки на осужденных к каторге.⁵³ К той же группе источников относится изобразительный материал в виде фотографий 97 политкаторжан, фотографии Шлиссельбургской крепости, план крепости, вид корпусов и камер.⁵⁴ Значительное число материалов состоит из документов самого Д. А. Трилиссера, в том числе его воспоминания об астраханской, петроградской и шлиссельбургской тюрьмах, заметки и переписка о текущей деятельности Ленинградского отделения.⁵⁵

Комплексе материалов по истории Ленинградского отделения Общества, находящихся в документальном фонде Музея политической истории России, сравнительно невелик. В него входят рукописи В. С. Панкратова «Краткая биография Д. А. Клеменца» (1924 г.) и «Краткая биография А. К. Кузнецова» (1924 г.), работа И. А. Морозова «Несколько слов об архиве „Земли и воли“ и „Народной воли“» (1927 г.).⁵⁶ Здесь имеются также воспоминания М. Ф. Фроленко о попытке освободить П. И. Войноральского и о липецком съезде «Земли и волю», две записки с воспоминаниями А. П. Прибыльской-Корба о Н. В. Клеточникове и обстоятельствах самоубийства эсерки Лурье в Париже в 1907 г., а также воспоминания В. С. Панкратова о М. Ф. Гриневском.⁵⁷ Свообразным источником является краткая автобиография участника «хождения в народ» Н. Г. Кулябко-Корсаковского, специально написанная в 1923 г. для Музея революции в Ленинграде.⁵⁸ Могут заинтересовать исследователей и такие документы, как билет члена Общества В. С. Панкратова, анкета кружка народолюбцев Общества на имя И. Д. Ведельева, билет на гражданскую панихиду М. В. Новорусского.⁵⁹

Подводя итоги анализа источников, освещающих деятельность Ленинградского отделения Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, необходимо отметить, что большинство источников, сложившихся в виде трех групп, две из которых

⁵² Там же, ф. 507, оп. 1, д. 26, 36, 37.

⁵³ Там же, д. 59, 61, 65, 71.

⁵⁴ Там же, д. 116, 117.

⁵⁵ Там же, д. 39, 56, 57, 91, 102.

⁵⁶ Мужей политической истории России, ф. II, № 12605, № 12606, № 13919.

⁵⁷ Там же, № 13947, № 13909, № 13946.

⁵⁸ Там же, № 16716.

⁵⁹ Там же, № 12640, № 13942, № 12745.

объединены в два фонда ЦГА Санкт-Петербурга, а третья находится в Музее политической истории, имеют одно происхождение, взаимно дополняют друг друга и связаны множеством нитей, а поэтому должны рассматриваться в комплексе. Следует особо подчеркнуть, что бесспорным достоинством документов является их подлинность. Эти группы документов составляют уникальный по богатству и сохранности круг источников, основная масса которых прежде не публиковалась; они дают возможность проводить многоаспектные исследования по истории революционного движения в России, карательной политики царизма, о деятельности Ленинградского отделения Общества и революционерах различных поколений.